

В.А. Потто

**Кавказская война в
отдельных очерках,
эпизодах, легендах и
биографиях**

Том 5-й. Время Паскевича

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В.А. Потто
В11 Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: Том 5-й. Время Паскевича / В.А. Потто – М.: Книга по Требованию, 2023. – 328 с.

ISBN 978-5-458-05398-3

Фундаментальный труд выдающегося военного историка и полководца русской армии охватывает период вооруженного противостояния на Кавказе с начала XVI века по 1831 год. Василий Александрович Потто (1836–1911) — генерал-лейтенант, начальник генерального штаба Кавказской армии, военный историк, посвятивший более полувека подробнейшему изучению, анализу и изложению событий на Кавказе. Его труды, освещающие этапы прихода и становления русской власти в регионе, историю многолетних Кавказских войн и развития казачества, безусловно, обогатили русскую военную литературу и по праву считаются одними из лучших произведений кавказской тематики. Многие годы в разных местах и из бесчисленных источников автор собирал разрозненные документы, военные хроники и архивные материалы, чтобы извлечь из забвения и связать в одно повествование драматические события, ход и развитие которых определили особую роль Кавказской войны в истории российского государства. Каждый том представленного сборника посвящен периоду управления Кавказом того или иного наместника, определенному этапу вооруженного противостояния в этом регионе, военных кампаний под предводительством различных полководцев русской армии. Это военно-историческое исследование было настолько востребовано, что еще до момента выхода в свет последних томов было предпринято второе издание, по которому публикуются первые четыре тома репринтного воспроизведения. Последний пятый том воссоздан по первому изданию сборника (издание типографии окружного штаба Кавказского военного округа).

ISBN
978-5-458-05398-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

I. Взгляды Паскевича на покореніе Кавказа	1
II. Возникновеніе кавказскаго юридизма и Казн-мулла	15
III. Дагестанъ въ эпоху начала мюридизма	31
IV. Первое вооруженное движеніе мюридовъ	45
V. Кахетія и ея сосѣди	61
VI. Покореніе дварцевъ	77
VII. Военно-Грузинская дорога	85
VIII. Осетія и осетины	111
IX. Покореніе южныхъ осетинъ	131
X. Экспедиція въ сѣверную Осетію	145

ВЗГЛЯДЫ ПАСКЕВИЧА НА ПОКОРЕНИЕ КАВКАЗА.

Въ то время, когда турецкая война близилась къ своей развязкѣ, Паскевича уже занимала мысль объ окончательномъ покореніи Кавказа. Онъ видѣлъ ясно, что отдѣльныя экспедиціи, предпринимаемыя для наказанія горцевъ, такъ же мало приносили пользы, какъ мѣры безусловной кротости, и потому изыскивалъ средства, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ роковымъ вопросомъ. Время для этого казалось самымъ удобнымъ. Многочисленные трофеи, провозимые то и дѣло черезъ Кавказскую линію въ Петербургъ, воочію свидѣтельствовали горцамъ о знаменитыхъ побѣдахъ, одержанныхъ русскими въ Персіи и Турціи, и слава этихъ побѣдъ, казалось, должна бы была удостовѣрить ихъ въ невозможности борьбы съ такою могущественной державой, какъ Россія. Паскевичъ не хотѣлъ допустить даже мысль о серьезномъ сопротивленіи «какихъ нибудь горцевъ», и на этомъ, главнымъ образомъ, основалъ планъ своихъ будущихъ дѣйствій.

Нужно сказать, что это было время всевозможныхъ проектовъ. Военное министерство было засыпано трактатами, въ которыхъ было много любопытныхъ, а еще болѣе странныхъ, идей, показывавшихъ только усердіе, но ни какъ не знакомство съ Кавказомъ всѣхъ этихъ составителей плановъ. Предлагалось, напр., дѣйствовать противъ горцевъ, подвигаясь не

съ равнины къ горамъ, а напротивъ, съ горъ къ плоско-
стямъ, строить крѣпости на хребтахъ, а наблюдательные по-
сты на горныхъ шпильхъ, рвать самыя горы порохомъ, а
противъ хищниковъ растягивать проволочныя сѣти по бере-
гамъ Кубани и Терека. Совѣтовали покорять горцевъ не ору-
жіемъ, а культурою во всемъ ея широкомъ объемѣ, т. е. про-
свѣщеніемъ, торговлею, водвореніемъ среди народа роскоши и
даже пьянства. Были предложенія учредить въ Апанѣ лицей
или кадетскій корпусъ, въ которомъ воспитывались бы чер-
кесскіе юноши вмѣстѣ съ дѣтьми черноморскихъ казаковъ,
полагая, что общность воспитанія родитъ дружескія связи,
которыя не замедлятъ отразиться въ будущемъ и на друже-
скомъ согласіи обоихъ народовъ. Въ подкрѣпленіе этой мысли
приводился даже обычай аталычества, и преподовался совѣтъ,
чтобы въ этомъ заведеніи русскій священникъ, поставленный
рядомъ съ муллою, изъ-подъ-руки внушалъ бы мусульман-
скимъ дѣтямъ понятія о превосходствѣ христіанской вѣры и
т. п. Нѣкоторые шли еще дальше и предлагали прежде всего
озаботиться смягченіемъ правовъ, посредствомъ заведенія у
горцевъ музыкальныхъ школъ. «Въ глубокой древности уже
было извѣстно—писалъ одинъ коллежскій совѣтникъ: что му-
зыка, производя пріятное впечатлѣніе на слухъ, смягчаетъ че-
ловѣческіе нравы».... и т. д. Министерство даже не давало
себѣ труда разбирать эти проекты, и массами отправляло
ихъ въ Тифлисъ «на разсмотрѣніе». Тамъ ихъ прочитывали
и, послѣ короткаго отрицательнаго отвѣта, сдавали въ архивъ,
гдѣ они покоятся и понынѣ.

Въ противоположность этимъ культурнымъ планамъ,
проектъ Паскевича основывался исключительно на силѣ ору-
жія, какъ на аргументъ единственно доступномъ пониманію
горца. Онъ хотѣлъ воспользоваться пребываніемъ на Кавказѣ
двухъ лишнихъ дивизій, и произвести разомъ одновременное дви-
женіе противъ всѣхъ горскихъ племенъ, чтобы лишить ихъ
взаимной помощи. Этимъ маневромъ Паскевичъ рассчитывалъ

быстро и безъ особаго труда, завладѣть всѣми важнѣйшими пунктами въ горахъ, прочпо утвердиться въ предгоріяхъ и, такимъ образомъ, отнявъ у непріятели всѣ средства получать пропитаніе съ равнинъ и плоскостей, вынудить его къ покорности. Въ сущности это былъ тотъ же самый планъ, котораго держался Ермоловъ въ теченіи десятилѣтняго управленія краемъ. Но то, чего достигалъ Ермоловъ упорнымъ трудомъ, подвигаясь лишь шагъ-за-шагомъ,—Паскевичу казалось легко осуществить однимъ стремительнымъ натискомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что планъ этотъ возникъ у него подъ обаяніемъ трехъ, блистательно исполненныхъ, кампаній. Дѣйствительно, поля побѣжденной Персіи, низринутыя въ прахъ твердыни Азіятской Турціи—вотъ тѣ вѣчные памятники, благодаря которымъ время командованія Паскевича, по справедливости, должно быть отнесено къ одной изъ особенно интересныхъ и блестящихъ эпохъ русскаго владычества на Кавказѣ. Но, собственно, внутреннимъ кавказскимъ дѣламъ отводилось имъ до сихъ поръ самое незначительное мѣсто. Быстро смѣнявшіяся событія персидской и турецкой войнъ, обуславливая собою громадность и сложность занятій Паскевича въ дѣлахъ внѣшней политики, не давали ему ни времени, ни свободы заняться серьезнымъ изученіемъ Кавказа. Онъ былъ знакомъ съ нимъ лишь по допесеніямъ частныхъ начальниковъ, не всегда основательнымъ, и даже мимоходомъ не видѣлъ кавказской войны, которая потому и рисовалась въ его воображеніи совсѣмъ не похожую на то, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Этимъ только и возможно объяснить себѣ тотъ рѣзкій, полный самонадѣянности тонъ, съ которымъ онъ писалъ государю.

«Чѣмъ болѣе дѣлаю я наблюденій, тѣмъ болѣе удостоверяюсь, что направленіе политики и отношеній нашихъ къ горцамъ были ошибочны и не имѣли ни общаго плана, ни постоянныхъ правилъ. Жестокость, въ частности, умножала ненависть и возбуждала мщеніе, а недостатокъ твердости и не-

рѣшительность въ общемъ—обнаруживали слабость и недостатокъ силъ. Опытъ четырехлѣтняго моего управленія оправдалъ мою политику, которая состояла единственно въ томъ, что въ частности я былъ спиходителенъ, но въ общемъ угрожалъ твердостью и рѣшимостью. Отъ этого при всей малости войскъ нашихъ, занятыхъ войною противъ персіянъ и турокъ, горцы удержаны въ покоѣ и, исключая набѣговъ частныхъ, ничего важнаго не предпринимали»....

Паскевичъ, очевидно, приписывалъ своей политики то, что являлось лишь естественнымъ результатомъ всей дѣятельности Ермолова. Но этого мало, онъ хотѣлъ итти дальше Ермолова, хотѣлъ покорить Кавказъ однимъ ударомъ,—и не только не покорилъ его, но отодвинулъ покореніе на тридцать лѣтъ и создалъ войну, стоившую намъ, въ концѣ концовъ, множества жертвъ, крови, матеріальныхъ потерь, нравственныхъ потрясеній....

Надо замѣтить, что въ это самое время ходила по рукамъ меморія генерала Вельяминава, которая, конечно, не могла быть неизвѣстной и Паскевичу. Вельяминовъ, другъ и сподвижникъ Ермолова, также изыскивалъ средства ускорить окончаніе тяжелой кавказской войны, но средства, предлагаемыя имъ, значительно разнились отъ мыслей Паскевича. По мнѣнію Вельяминава, опыты прошедшихъ лѣтъ не дозволяли сомнѣваться, что главный вредъ, какой терпѣла отъ горцевъ Кавказская линія, происходилъ всегда отъ ихъ конныхъ набѣговъ; поэтому, если поставить горцевъ въ такое положеніе, чтобы они съ большимъ трудомъ доставали лошадей, годныхъ для хищническихъ набѣдовъ, то этимъ отнимется у нихъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ дѣлать нападенія. Достигнуть же этого, по мнѣнію Вельяминава, можно было только занявъ казачьими станицами всѣ мѣста, изобилующія пастбищами, какъ напр., между Кубанью и Лабой, между Лабой и Урупомъ, по правую сторону Малки, по берегамъ Сунжи и Ассы. Увеличеніе числа кавказскихъ линей-

ныхъ казаковъ, способствуя рѣшительному покоренію горцевъ и обезпечивая Кавказскую область, могло, сверхъ того, принести и громадную пользу въ будущихъ европейскихъ войнахъ. Такимъ образомъ, перенося наши линіи за Кубань и на Сунжу, постепенно вытѣняя горцевъ съ плоскостей, истребляя у сопротивляющихся посѣвы и жилища, Вельяминовъ приходилъ къ убѣжденію, что при настоящихъ средствахъ Кавказскаго корпуса, т. е. при двухъ лишнихъ дивизіяхъ, война можетъ быть окончена въ теченіи шести лѣтъ и будетъ стоить, сверхъ обычныхъ суммъ, отпускаемыхъ на продовольствіе войскъ, 14 милліоновъ руб. асс.

Насколько этотъ планъ былъ основателенъ и примѣнимъ практически, доказали позднѣйшія событія, когда, послѣ многолѣтней бесплодной борьбы, пришлось обратиться къ тому же проекту и дать средствъ гораздо болѣе того, чѣмъ требовалъ Вельяминовъ. Но тогда глядѣли на дѣло еще иными глазами. На предложеніе Вельяминова государь отозвался, что требуемая средства чрезмѣрно обременятъ казну, и что армію нельзя ослаблять и отвлекать отъ западной границы. Проектъ Паскевича, бравшагося покончить дѣло въ одно наступавшее лѣто, былъ утвержденъ. Государь даже торопилъ его исполненіемъ, такъ какъ, по окончаніи экспедиціи, обѣ дивизіи—14 и 20, должны были немедленно возвратиться въ Россію. «Его Величество—писалъ по этому поводу военный министръ:—совершенно увѣренъ, что полный успѣхъ увѣнчаетъ ваше предпріятіе, столь необходимое для прочнаго обезпеченія нашей осѣдлости на Сѣверномъ Кавказѣ».

Теперь оставалось разработать только детали.

Государь предполагалъ начать военныя дѣйствія со стороны Каспійскаго моря, гдѣ горы имѣютъ наименьшій поперечникъ, и для этого употребить войска собственно Кавказскаго корпуса, въ ихъ полномъ составѣ; 20-я же дивизія должна была сосредоточиться въ видѣ резерва въ окрестностяхъ Тифлиса, а 14-я—на Сѣверномъ Кавказѣ, въ кубанскихъ и

терскихъ станицахъ, на случай, если-бы горцы, тѣснимые съ противоположной стороны, бросились на линію. Государь, впрочемъ, не стѣснялъ Паскевича дѣйствовать по обстоятельствамъ и предоставилъ ему широкія полномочія. Паскевичъ выработалъ программу нѣсколько иную. Онъ полагалъ основательно, что прежде чѣмъ приступить къ общему покоренію горскихъ народовъ, необходимо было обезпечить Закавказье и покорить джарскихъ лезгинъ, безъ чего никогда не установилось бы спокойствіе на границахъ Кахетіи; затѣмъ, требовалось привести отъ насъ въ такую же зависимость Осетію, стать твердою ногою въ Абхазіи,—и только тогда уже пройти по всѣмъ направленіямъ Чечню и земли закубанскихъ народовъ. Дагестанъ не особенно занималъ главнокомандующаго. Паскевичъ, болѣе нежели слѣдуетъ, полагался на преданность къ намъ шамхала Тарковского, акушинскаго кадія и хановъ Мехтулы и Казикумыка, которые, по его мнѣнію, достаточно обезпечивали спокойствіе приморскаго края и плоскости, а что касается Нагорнаго Дагестана, гдѣ главенство принадлежало сильной Аваріи, то ханы ся только что добровольно присягнули тогда на подданство Россіи и своимъ примѣромъ, казалось, не могли не повліять на сосѣднія съ ними вольныя общества. Правда, лезгины спускавшіеся съ горъ, продолжали дѣлать набѣги въ Кахетію, но Паскевичъ думалъ, что покореніе джарцевъ вынудитъ и ихъ къ безусловной покорности. Въ противномъ случаѣ предполагалось сдѣлать къ нимъ экспедицію, и если бы они оказали упорство, выселить ихъ на плоскость. Къ началу мая войска, занимавшія Дагестанъ, должны были, запыть Аварію и оттуда, смотря по обстоятельствамъ, или идти на лезгинъ, сосѣднихъ съ Кахетією, или спуститься въ Чечню, для содѣйствія главнымъ силамъ.

Такимъ образомъ, Дагестанъ былъ почти совсѣмъ устраненъ изъ общаго плана и соприкасался къ нему лишь косвенно,—а, между тѣмъ, дальнѣйшія событія показали, что именно Дагестанъ-то, которому такъ мало удѣлялось

вниманія, и былъ причиною разстроившею всё соображенія и планы фельдмаршала. Тамъ, въ глухой койсубулинской деревушкѣ Гимрахъ, никѣмъ не замѣчаемая, готовились событія, которыя грозили страшнымъ потрясеніемъ нашему владычеству на Кавказѣ и не замедлили оказать рѣшительное вліяніе на общій ходъ дѣла. То былъ мюридизмъ, кинувшій горцевъ въ страшный водоворотъ борьбы кровавой и религіозной. Правда, обликъ новаго ученія былъ еще туманенъ, но при должномъ вниманіи и тогда уже можно было различить въ немъ глухіе отголоски приближающейся бури. Наружное спокойствіе Дагестана обмануло Паскевича; въ гулъ побѣдныхъ громовъ онъ не слышалъ, какъ шумѣла рѣка, разливавшаяся кипучимъ потокомъ, и какъ затопляла она все, на что было посвящено столько лѣтъ разумной дѣятельности и трудовой жизни Ермолова.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1830 года Паскевичъ открываетъ военныя дѣйствія, — и первая экспедиція въ землю джаро-блуканскихъ лезгинъ оканчивается быстрымъ и безкровнымъ покореніемъ этихъ обществъ; но, въ то же время, изъ Дагестана приходятъ такіе тревожные слухи, которые заставляютъ наконецъ внимательно взглянуть въ тамошнія событія и увидѣть въ нихъ нѣчто посерьезнѣе обыкновеннаго мусульманскаго бунта. То было вторженіе мюридовъ въ Аварію. Бой подъ Хунзахомъ и пораженіе Кази-муллы аварцами умалили нѣсколько впечатлѣніе грознаго движенія, начавшагося въ горахъ, но, однако, не разсѣяли нависшихъ надъ горизонтомъ тучъ. Въ это время Паскевичъ писалъ военному министру, что «несомнѣнная цѣль новаго ученія заключается въ томъ, чтобы отторгнуть отъ насъ всё дагестанскія племена и соединить ихъ подъ одно общее еократическое правленіе»....

Въ Петербургѣ вправѣ были ожидать самыхъ энергическихъ мѣръ со стороны Паскевича тамъ, гдѣ, по его же мнѣнію, дѣло касалось безусловно нашего владычества надъ Восточнымъ Кавказомъ, и Государь полагасть справедливо, что

всѣмъ этимъ смутамъ и неурядицамъ будетъ положенъ скорый конецъ. На этомъ основаніи онъ потребовалъ, чтобы военныя дѣйствія, начатыя покореніемъ джаро-бѣлоканцевъ, отнюдь не отлагались, и чтобы всѣ предначертанія одновременнаго поиска въ горы были окончены въ теченіи лѣта.

Теперь главнокомандующій поставленъ былъ въ необходимость обстоятельно уже разъяснить тѣ затрудненія, которыя, подъ вліяніемъ текущихъ событій, принуждали его во многомъ отступить отъ первоначальнаго плана. Онъ писалъ, что къ военнымъ дѣйствіямъ нельзя приступить ранѣе осени, такъ какъ войска изъ Турціи могли прибыть только въ августѣ мѣсяцѣ; но что касается времени, въ которое возможно окончить задуманный планъ, то Паскевичъ не брался опредѣлить его даже приблизительно—все зависѣло отъ обстоятельствъ, которыхъ ни предвидѣть, ни предугадать было невозможно. Онъ самъ подалъ мысль и создалъ планъ покоренія Кавказа; но теперь, соображая извѣстную воинственность горцевъ и ближе ознакомившись съ мѣстностью, фельдмаршалъ не могъ не сознавать всю трудность подобнаго предпріятія. Да и время было уже не то, что въ 29-мъ году, когда возникъ этотъ планъ. Тогда Дагестанъ находился въ состояніи полнѣйшаго спокойствія,—теперь появился Казимулла съ его религіозной проповѣдью, и волненіе, охватившее не только нагорныя племена, но даже плоскостныхъ кумыковъ, перебросилось въ Чечню и угрожало запыться всеобщимъ пожаромъ.

«И желалъ бы—писалъ онъ къ государю:—чтобы горцы совсѣмъ насъ не знали, и чтобы прибытіе русскихъ войскъ для ихъ покоренія было бы еще въ первый разъ. Тогда можно бы было утратить и привести ихъ въ изумленіе и неожиданною новостью впечатлѣній, и превосходствомъ войскъ и оружія, и даже съ пользою употребить политику, деньги и подарки. Но уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ они имѣютъ дѣло съ нами и, къ сожалѣнію, были случаи, которые достаточно поселили въ нихъ мнѣніе не въ нашу пользу»....